

И. В. Батыщева,

*преподаватель кафедры административной деятельности
и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России*

В. М. Шматов,

*кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника
кафедры административной деятельности и охраны
общественного порядка Волгоградской академии МВД России*

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ЕЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В целях обеспечения эффективной организации борьбы с преступными сообществами и их противодействием решению задач уголовного судопроизводства необходимо рассматривать этот вопрос с точки зрения принципиальных положений криминалистики.

Представляется, что принципиальным требованием при проведении такого, например, следственного действия, как допрос, является законность, этичность и научность каждого применяемого тактического приема.

Обязательность законности тактических приемов не вызывает сомнения, но понятие законности трактуется по-разному. Обязательно и требование соответствия тактических приемов этике, но и этот критерий также иногда имеет различное толкование. Важно требование научности, в частности использование положений специальных наук, главным образом психологии.

Учитывая изложенное, надо, на наш взгляд, в понятие законности тактических приемов допроса включить:

- их направленность на выполнение основной задачи – получения правдивых и достоверных показаний;
- строгое соблюдение при их осуществлении процессуальных правил, предусмотренных законом для допроса;
- недопущение нарушения запретов, предусмотренных уголовно-процессуальным законом;
- соответствие приемов допроса нормам закона и этики (понимая под этим соответствие тактических приемов закону путем логического сопоставительного анализа процессуальных норм, нравственности и правомерности тактических приемов) [1, с. 79].

Обязательность строгого соблюдения процессуальных норм при использовании тактических приемов допроса очевидна, и все же пока еще нельзя сказать, что закон всегда и везде неукоснительно соблюдается. Чаще всего нару-

шения происходят тогда, когда на первое место выдвигаются соображения «целесообразности», «пользы для дела» и т. д. [2, с. 8–12].

В связи с изложенным обратимся к вопросу изучения личности потерпевшего и значения данных о нем не только для его допроса, но и для всего расследования по делу. Изучение потерпевшего заключается в сборе следователем сведений, относящихся к его личности. Особенно это важно при расследовании убийств, в ситуациях, когда личность погибшего (или пропавшего без вести лица) не установлена. Потому важно установить его биологические свойства (состояние здоровья, приметы); социальные и психические особенности (поведение, служебную деятельность, мировоззрение, отношения с другими людьми). Сведения о личности потерпевшего приобретают значение фактических данных уже в стадии возбуждения уголовного дела; иногда они могут стать основанием для его возбуждения. Информация о личности обвиняемого входит в предмет доказывания, тогда как информация о личности потерпевшего в предмет доказывания не входит, что вряд ли оправдано. В то же время поведение потерпевшего часто может быть отягчающим или смягчающим вину обвиняемого обстоятельством. Практике известны ситуации, когда только случай «определял», кто из двух участников события станет потерпевшим, а кто – обвиняемым (например, при убийствах, совершенных на бытовой почве).

Надо учитывать, что поведение потерпевших нередко оказывается поводом (или способствующим обстоятельством) совершения того или иного преступления. Жестокое обращение с виновным, оскорбления, инициатива в разрывании конфликта или драки способствуют реализации антиобщественных наклонностей виновного в противоправных действиях. Бывает, что потерпевший позволяет увлечь себя в место, где он оказывается в изоляции от людей, которые могли бы оказать ему помощь, а также проявляет доверчивость к явно подозрительным личностям. Знание всех этих обстоятельств помогает следователю строить обоснованные версии, использовать более эффективную тактику допроса таких лиц, а также тех, кто совершил против них противоправные деяния.

Как известно, общение между людьми с целью получения информации невозможно без взаимного психологического воздействия. Но воздействие на допрашиваемого не может быть неограниченным, иначе это неминуемо приведет к нарушению закона. Поэтому признание допустимости психологического воздействия при допросе вызывает необходимость рассмотреть вопросы о пределах, формах и методах такого воздействия. Правильное их разрешение важно, поскольку это поможет точнее определить критерии правомерного психологического воздействия, установить его отличие от противоправного [3, с. 94–145].

Уголовно-процессуальный закон содержит основные правила производства предварительного расследования и проведения отдельных следственных действий, а это значит, что в определенной мере регламентирует и используемые при их осуществлении тактические приемы [4, с. 218–219; 5, с. 268–271].

К ним надо отнести общие обязанности следователя принимать все меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела и запрещение при этом домогательства показаний от обвиняемого путем применения к нему насилия, угроз и иных незаконных мер. Значимость этого положения как «порога» тактики следствия переоценить невозможно. Но трудно согласиться с тем, что запрещение применения незаконных мер закон относит лишь к допросу обвиняемого. Конечно, важно соблюсти гарантии защиты прав обвиняемого на предварительном следствии, но не меньшую опасность незаконные приемы представляют и при допросе свидетелей, потерпевших и других лиц, относительно которых отмеченный запрет в процессуальном законодательстве закрепления не получил.

Таким образом, требование законности как критерий допустимости тактических приемов при допросе запрещает следователю:

- применять физическое насилие в качестве способа принуждения к даче показаний при допросе любых участников уголовного процесса;
- умышленно создавать конфликтные ситуации, выходом из которых для допрашиваемых становится дача показаний, при помощи которых они смогут (или желают) избежать нежелательных им способов и результатов разрешения конфликта;
- использовать средства доказывания, не предусмотренные уголовно-процессуальным законом, а также средства, в результате применения которых дача показаний допрашиваемым не находится под контролем его сознания [6, с. 38–42].

Следственная и судебная практика убедительно свидетельствуют о том, что успех расследования зависит от эффективности деятельности следователя и оперуполномоченных на первоначальном этапе. Негативными факторами являются несвоевременность производства обыска и выемки, отказ следователя производить обыск или выемку на первоначальном этапе расследования, некачественное планирование этих следственных действий, их проведение без учета сложившейся следственной ситуации, неиспользование научных рекомендаций по их производству и т. д. [7, с. 91]. Последствия этих ошибок далеко не всегда удается устранить. В результате следы преступлений и вещественные доказательства нередко утрачиваются (похищенные материальные ценности исчезают: деньги и имущество, подлежащие конфискации с целью возмещения материального ущерба, причиненного преступными действиями расхитителей, расхищаются). Все это в конечном итоге затрагивает интересы государства, права и законные интересы отдельных граждан.

---

1. Шматов В. М., Батыщева И. В. К вопросу о понятии и определении криминалистической тактики // Законность и правопорядок в современном обществе : сб. материалов XXII междунар. науч.-практ. конф.; под ред. С. С. Чернова. Новосибирск, 2014.

2. Васильев А. Н. Законность тактических приемов допроса // Тактические приемы допроса и пределы их использования. М., 1980.
3. Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973.
4. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 1. М., 1977.
5. Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979.
6. Баев О. Я. Законность как критерий допустимости тактических приемов допроса // Тактические приемы допроса и пределы их использования. М., 1980.
7. Шматов В. М., Климова М. И. К вопросу о понятии и значении изучения личности и обеспечения ее прав в теории криминалистики // Законность и правопорядок в современном обществе : сб. матер. XXII междунар. науч.-практ. конф. ; под ред. С. С. Чернова. Новосибирск, 2014.

УДК 343.98

С. М. Колотушкин,

*доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник
научно-исследовательского института ФСИН России*

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЕДИНОЙ БАЗЫ ГИЛЬЗОТЕК ГЛАДКОСТВОЛЬНОГО ОХОТНИЧЬЕГО ОРУЖИЯ

Современное состояние преступности показывает, что «вооруженность преступлений» заметно не снижается. Сегодня у населения нашей страны более шести миллионов единиц гладкоствольного охотничьего оружия, а разрешение на охоту ежегодно берут менее одного процента охотников. Статистика последних лет, а именно за период 2008–2013 гг. показывает, что в результате преступных посягательств с применением гладкоствольного оружия погибли около тысячи человек. В большинстве случаев это преступления на бытовой почве, в то же время угрожающими темпами растет количество преступлений, связанных с браконьерской охотой. Гладкоствольное оружие представляет собой серьезный и комплексный объект исследования, в силу того, что активно вовлечено в «орбиту» криминального мира.

Известно, что в целях эффективного расследования преступлений, связанных с применением нарезного огнестрельного оружия, создана Федеральная пулегильзотека МВД России. Учет пуль, гильз и патронов со следами нарезного огнестрельного оружия, изъятых с мест происшествий и преступлений, предназначен для установления конкретного экземпляра огнестрельного оружия, применявшегося при совершении преступления, фактов применения одного и того же неустановленного экземпляра оружия при совершении нескольких преступлений. Учет ведется на федеральном и региональном уровнях, ведение учета дополнительно может осуществляться в виде электронных баз данных. Такого